

Эффект

МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды

Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневоm саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Коломбины
Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты
Два лица Пьеро
Париж на час
Умри, богема!
Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
Звериный профиль
Тайна церковной мыши
Тени в холодных ивах
Комната для трех девушек
По дороге в синий лес

АННА
ДАНИЛОВА

ПО ДОРОГЕ В СИНИЙ ЛЕС

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Самофалова*
Дизайн переплета *К. Гусарева*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 По дороге в синий лес : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-160023-5

Женя по-прежнему работает горничной в доме влиятельных братьев Бронниковых, но начинает сомневаться: действительно ли это то, что ей нужно? Да и странное поведение Бориса сбивает ее с толку. На этот раз ей придется разобраться не только в собственных чувствах, смущающих и немного пугающих, но и в запутанном деле, в которое она снова оказывается втянута по воле случая. Женя пойдет по следам убийцы, рискуя жизнью, но сможет ли она вывести его на чистую воду?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160023-5

© Текст. А. Дубчак, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

1

15 декабря 2021 г.

Людмила Караваева была одиноким человеком и всю жизнь посвятила младшей сестре Светлане. Вместо того чтобы заниматься собой, личной жизнью в тридцать два года или квартирой, в которой только что закончился ремонт, она прибиралась в квартире уехавшей на отдых сестры.

Людмила, сидя на маленькой табуретке, не спеша слушая аудиокнигу Софи Кинселлы, протирала влажной губкой листочки разросшегося гибискуса, одного из многих, занимавших большую часть спальни, когда услышала страшный грохот. Этот звук не был похож ни на что прежде услышанное ею. Словно внизу, этажом ниже, взорвалась небольшая бомба.

А ведь это выстрел, догадалась она. Натуральный страшный выстрел. И стреляли в квартире молодой соседки Ольги, девушки, примерно полгода тому назад ставшей в одночасье несчастной после того, как ее бросил муж. Об этом Людмиле рассказала сестра. Обе тогда недоумевали, как это вообще можно бросить такую красивую и милую девушку. Искренне жалели ее и при встрече смотрели на

нее каким-то особенно теплым и сочувственным взглядом.

Понятное дело, чужая жизнь — потемки, и кто знает, какие отношения супругов предшествовали драме, разводу. Но Людмила с сестрой как-то уж сразу, подчиняясь чувству женской солидарности, заняли сторону брошенной Оли. А если причина заключалась именно в ней, быть может, она изменила мужу и причинила ему такую боль, что он так и не справился, не смог успокоиться, долго страдал, переживал, а вот сейчас вернулся и пристрелил изменщицу?

Людмила и сама не поняла, как оказалась на лестничной площадке и теперь стояла, свесившись и глядя вниз, словно ожидая, что вот сейчас из квартиры Ольги (на этаже располагалась всего лишь одна квартира) выйдет убийца с пистолетом. И когда увидела человека, то почувствовала, как теряет сознание... Однако не отключилась и теперь, едва стоя на ослабевших ногах, смотрела на серый кусок бетонного пола нижнего этажа, с которого только что, буквально мгновение тому назад, словно ветром сдуло вышедшую из квартиры девушку в красном свитере и желтом меховом жилете.

Ольга? Нет. Эта девушка была намного выше соседки. Нет-нет, это была не она.

Девушка-убийца не стала дожидаться лифта и с шестого этажа по-девчоночьи резво поскакала по лестнице вниз, судя по звукам, явно перепрыгивая через ступени. Гул от этих скачков стоял по

всему подъезду. Все стихло, и Людмила, осмелев, решила спуститься и подойти к двери. Под ногами что-то захрустело.

Насмотревшись детективных сериалов, она прекрасно понимала, что не должна оставить ни одного отпечатка, а потому, просунув руку под джемпер и натянув трикотажную ткань на пальцы, только таким безопасным способом коснулась ручки двери и нажала на нее. И когда дверь легко открылась, Людмила уже и не удивилась — когда в квартире происходит убийство, преступник редко запирает за собой дверь. Главное для него — поскорее скрыться с места преступления.

Сердце ее бухало, зубы стучали, но любопытство было столь велико, что она все же приоткрыла дверь и заглянула в квартиру.

— Оля!

Но никто не ответил. Людмила стояла и смотрела на лужу крови на паркете прихожей. Человек, из-под головы которого текла кровь, воспринимался ею как в тумане. Словно зрение на время затуманилось, и, оберегая ее впечатлительную натуру, пыталось скрыть от нее кровавую картину.

Она проморгалась, потрясла головой, и туман рассеялся. На полу лежал мужчина. Лицо было залито кровью, глаза открыты. Одетый в серый костюм и белую рубашку, он даже мертвый выглядел весьма элегантно. Еще и ботинки красивые, новые, коричневые, с желтоватой гладкой подошвой. Кто же это такой? Любовник Ольги? Ее знакомый?

Мужа ее Людмила в лицо не знала. Может, он? А что, вполне. Молодой и интересный мужчина. Правда, сейчас с простреленной головой. Пуля вошла прямо в лоб, рядом с прядью русых волос.

Почему он в легких изящных ботинках, когда на улице декабрь, снега по уши? Наверное, на машине приехал. Вышел из машины, щеголь, раз — и он уже в подъезде.

И о чем только не подумаешь, глядя на труп! Мысли вязли, голова кружилась.

Может, позвонить сестре и спросить, можно ли вызвать полицию? Хотя зачем тревожить ее? Она сейчас на Красном море, отдыхает с детьми, пока муж ее работает вахтовым методом на Севере. Да и что она скажет? Понятное дело, надо действовать. Людмила достала телефон и набрала 112.

2

14 декабря 2021 г.

Таких ленивых людей, настоящих бездельников, Женя в жизни еще не встречала. Вот уже почти четыре месяца она работала в загородном доме братьев Бронниковых в пригороде Подольска помощницей по хозяйству и все это время, занимаясь уборкой, испытывала чувство какого-то даже превосходства над ними. Она не понимала, как можно часами, даже круглыми сутками, лежать в постели, уставившись в огромный экран телевизора, или сидеть в кресле с ноутбуком или книжкой в руках,

пребывая в ленивом полусне. Дом был большой, работы ей хватало, и даже когда все было вымыто и вычищено, то все равно можно было пройтись в который уже раз тряпкой по перилам лестницы, смахнуть невидимую и, возможно, уже несуществующую пыль с большого стола в гостиной, протереть до блеска краны в ваннных комнатах или стекла навесных кухонных шкафчиков, отчистить до блеска иллюминатор огромной стиральной машины. Ну да, она не готовила, не умела, и с этим условием вроде бы все было улажено: еду Женя либо заказывала в ресторане, либо готовил Петр, один из братьев.

Братьев звали Борис и Петр. Борису было сорок пять, а его младшему брату сорок три. В августе они купили этот дом и переехали сюда из Москвы, оставив за плечами прошлую жизнь, о которой Женя практически ничего не знала... кроме самого главного — счастливы они там уж точно не были. Борис, известный московский адвокат, развелся с женой и по какой-то неизвестной для Жени причине решил на время отойти от своих дел. Петр же, как-то очень уж удачно наладив прибыльный бизнес, связанный с посредническими услугами в сфере инновационных идей, решил стать писателем и находился в поиске темы для романа. В последнее время он метался в определении жанра для будущего литературного труда, что выбрать: исторический ли роман или настоящий плутовской, основанный на современном материале?

Жизнь в доме замерла. Возможно, причиной этому, помимо внутренних психологических причин хозяев, были отсутствие солнца, вид тонувшего в тумане осеннего сада или дождливая хмурая, превратившая жизнь спрятавшихся в теплом доме людей в сплошное ожидание весны. А потом и вовсе наступила зима, и обитатели занесенного снегом дома предпочли зимовать под одеялами...

— Хорошо, что они еще умываются и чистят зубы! — жаловалась тихонько по телефону Женя подружке Антонине, человеку, который был посвящен во всю эту «бронниковскую» историю и стал одним из фигурантов сложнейшего августовского расследования убийства своих постоялиц. Так уж случилось, что, влипнув в криминальную историю, Антонина обратилась за помощью к адвокату Борису Бронникову, который вовремя позвонил другу, следователю Валерию Реброву, после чего колесо завертелось, события начали разворачиваться самым невероятным образом... Но главное — преступники были найдены, дело закрыто, и Антонину оставили в покое.

И если бы не эта история, которая позволила Жене оценить по достоинству благородство своих хозяев, то, возможно, она и не задержалась бы в доме так долго. К тому же цель ее в практическом смысле была достигнута — совершенно неожиданно она с щедрой руки родственницы стала счастливой обладательницей собственной квартиры в Москве, теперь серьезных причин для того, чтобы

оставаться мыть полы и унитазы, как бы и не было. Но то ли привыкла она к этому дому, то ли успешная возникнуть привязанность к братьям Бронниковым сыграла свою роль, даже мысли что-то менять в жизни уже не было.

— Ну что ты хочешь, сначала была осенняя хандра, теперь зимняя! — вздохнула Антонина. — Вот лично я их понимаю, потому как сама по натуре медведь, честное слово! Не люблю ни осень, ни зиму. Вот так бы и завалилась спать в берлогу до самой весны. Такая оторопь берет, когда посмотрю в окно или выйду на улицу — солнца нет, небо темное и снег какой-то нерадостный, грязная снежная каша под ногами. Хотя, быть может, поэтому кто-то придумал так рано, почти за полмесяца до праздников, украшать город к Новому году, чтобы не так уж кисло людям было на душе...

— За полмесяца? Ты шутишь? Да украшать начали еще осенью, в ноябре!

— Вот и я говорю. На улице мрак, а люди словно в знак протеста украшают квартиры, Москва преобразилась, такая нарядная стала, витрины магазинов потрясают предновогодней красотой. А мужики твои... Ленятся? Ну и пусть себе ленятся. Они люди богатые, могут позволить себе хоть всю жизнь бездельничать.

— Знаешь, мне иногда кажется, что это вообще не Борис с Петром, которых я узнала в августе и оценила по достоинству, что это совершенно другие люди. Совсем раскисли! Борис целыми днями

ест (обжора!), я по три раза на день заказываю ему еду или доставку из кондитерской, а Петр литрами глушит кофе, но все равно спит как сурок. Что мне с ними делать? Ни поговорить, ни поспорить! В доме такая тишина! Только и слышно, как я орудуя шваброй или щеткой...

— А ты тоже ложись и спи. Дом блестит, я знаю тебя, и не надо искать себе работу. Запрись в комнате, ложись в теплую постель да и спи себе! Уверена, тебя никто не потревожит. Просто не посмеют.

— Ну как это? Я же все-таки на работе у них. Они платят мне хорошие деньги. И халтурить я не умею.

Женя, устроившись на кухне за столом с чашкой чая в руках и глядя на экран телефона, установленного на удобной подставке, тихо разговаривала с подругой по громкой связи, уверенная в том, что ее никто не услышит. Комнаты хозяев находились довольно далеко от кухни.

— Ты снова на громкой связи!

— Ну да. Так удобно, не надо держать телефон возле уха. К тому же, знаешь, я стала замечать, что, несмотря на то что в доме тепло, мне постоянно хочется погреть руки о горячую чашку. Вот что это такое?

— Зима.

— А у тебя как дела, Тонечка?

— Да все хорошо. Дети спят, муж смотрит свой сериал, он просто сходит с ума от «Сверхъесте-

ственного», каждый год зимой погружается в эту сериальную зависимость... А тебе не пора заняться личной жизнью? Женя, тебе скоро двадцать пять, а ты все одна.

— Ты так говоришь, словно мне скоро полтинник стукнет, — рассмеялась Женя.

— Я бы на твоём месте обратила внимание на Петра. Мне кажется, он в тебя влюблен.

— Нет, это тебе точно кажется. Просто он симпатизирует мне как человеку, которого постоянно пинают на его глазах. Мы с ним, как бы это помягче выразиться, в дружеских отношениях. Но, если честно, он просто защищает меня от Бориса, от его грубости и нападок. А я... Я учусь игнорировать эту самую грубость. Хотя, ты знаешь, иногда так и хочется уже начать собирать чемодан.

Она вдруг поняла, что этой темой они всегда с Тоней заканчивают разговор. И улыбнулась. Собиралась было уже пожелать спокойной ночи, все-таки была половина десятого вечера, но не успела. За оконным стеклом в рассеянном свете расположенного поодаль садового фонаря на террасе она увидела странную фигуру, темный силуэт. Вроде бы это был человек, но какой-то рогатый, да и роста невысокого.

— Тоня, ты извини... Я потом перезвоню.

И она отключила телефон. Подумала вдруг о том, что их дом никак не охраняется. Что находится он на окраине поселка, возле леса, и что кто

угодно может подъехать к воротам. Ворота... Неужели они не заперты, и этот человек вот так запросто открыл их и подошел к самым дверям? Кто, ну кто не запер ворота? Она сама днем лично проверяла, когда чистила дорожки, ворота и калитка были заперты.

Человек стоял напротив окна, чтобы разглядеть его, надо было выключить свет на кухне. Что Женя и сделала. И теперь, стоя в темноте и глядя на незнакомца, она вдруг поняла, что это вовсе и не рогатый мужчина, а женщина. В длинной пухлой шубке, обвязанной красной лентой, а на голове из этой же самой ленты сооружен просто-таки гигантский нелепый бант! Лица женщины было не разглядеть. Светлое маленькое пятно на темном фоне.

Но это и не призрак.

И что теперь делать? Пойти будить и выводить из сомнамбулического сна хозяев? И кого именно? Бориса или Петра?

Представив себе, как глупо они оба будут выглядеть в халатах (теперь и Борис по примеру брата прикупил длинный велюровый халат, отороченный золотым шнуром, какая пошлость!) и выглядывающих из-под полы пижамных штанов, решила, что сама справится и откроет незнакомке дверь. На случай, если дама с бантом пришла не одна, а с бандитами (об этом почему-то думалось легко, как о чем-то несерьезном и нереальном), минуя холл, вооружилась тяжелыми каминными щипцами.

Подойдя к двери, приоткрыла ее, благо ее с уличным пространством теперь разделяла цепочка, и, еще не видя посетительницу, спросила темный сад:

— Кто там? — щелкнула выключателем, включив фонарь над дверью, и каменная площадка тотчас вспыхнула ярким светом.

— Это я, — услышала она женский голос, который был очень похож на детский, перед ней возникло странное существо, полуженщина, полуребенок. Девушка. Но очень миниатюрная. Ее тоненькая шейка выглядывала из мехового темного облака, а шапка густых пепельных волос, сильно напоминавших хороший дорогой парик, была увенчана красным бантом.

— Вы кто? И кто нацепил на вас этот уродский бант?

— Я подарок.

— Чего-чего?

— Я подарок, — жалобно повторила девушка и поморщилась, как если бы ей стало больно.

— Вы к кому? — Пожалуй, этот вопрос был более подходящим для создавшегося положения.

— Борис Бронников здесь живет?

Вон оно что! Знакомая Бориса. Должно быть, его любовница, потому что на жену она явно не тянет. Ни возрастом, ни... снова возрастом. Пигалица.

— Вы к нему по делу? — строго спросила Женя тоном теперь уже точно жены.

— Да. По делу. Но, думаю, он об этом еще не подозревает.

— Если что, то с адвокатской практикой у него покончено, — зачем-то сказала Женя. Ей не хотелось, чтобы эта девица проникла в дом. Она почувствовала тревогу.

— Я не по этому делу, — тоненьким голоском пропищала девушка-подарок. — Позовите его, пожалуйста, а то я замерзла.

И она, распахнув шубку, выставила вперед ногу в тонком прозрачном чулке и красной туфельке, словно желая продемонстрировать морозу свою уязвимость.

Зимой и в туфлях! Интересно, ее привезли сюда на машине или она приехала сама? На своей машине или на такси.

— Вы одна? — Женя попыталась понять, не опасно ли открывать дверь настежь, пропуская незнакомку в дом, не спрятались ли за ней какие-нибудь злоумышленники.

— Одна. Да открывайте уже скорее!

Держа каминные щипцы одной рукой, второй Женя сняла цепочку и впустила девушку. И сразу же захлопнула за ее спиной дверь.

Вот теперь, при ярком свете холла, она могла разглядеть эту странную особу. меховой кокон с бантом на голове.

— Ну и кто же вы такая? — собиралась она уже поглумиться над девушкой, как вдруг услышала:

— Давай зови Бориса!

— В смысле? — От возмущения Женя чуть не задохнулась. Даже кулачки сжала. Хамка! Хабалка! Однако она моментально оценила девицу. Ухоженная, волосы все-таки натуральные, грим наложен умело, красивая... bestия! И грубая как сапожник!

И тут послышался звук шагов, братья проснулись или просто, услышав голоса, покинули теплые постели.

Первым показался Борис. На нем не было даже халата! Он был в шелковой черной пижаме и в войлочных домашних туфлях на босу ногу. Волосы взъерошены, лицо недовольное. Одна щека розовее другой, как если бы он примял ее подушкой.

— Что случилось? Что за собрание? — заворчал он, шурясь от яркого света. — Вы кто?

Он нахмурился и теперь стоял, разглядывая девушку.

Подошел и Петр, в халате. Причесанный. От него пахло зубной пастой.

— Добрый вечер, — он поклонился госте.

— Кто из вас Борис Бронников? — спросила девица, тоже нахмурившись. Потом она зашмыгала носом, и у нее это получилось вполне естественно. Простыла, значит. Конечно, в туфлях, тоненьких чулках... Почему Борис ее не узнает?

— Ну я, — сказал Борис. — И что вам надо? Я не работаю. У меня отпуск. Пожизненный. Вот только не говорите, что вы влипли в историю и вас надо выручать.

— Нет. Я подарок.

— В смысле?

— Один из ваших клиентов решил в знак благодарности сделать вам подарок. То есть подарить меня.

Борис молча уставился на девушку. Нервно хохотнул.

— Да ладно!

— Но не насовсем. Только на месяц. Четырнадцатого января, ни днем раньше, мы расстанемся с вами.

Петр кашлянул в кулак и отошел в сторону, пожимая плечами. Женя подошла к нему и теперь тоже наблюдала сцену с Борисом в полном недоумении.

— Очень интересно. И в каком же качестве вы подарены мне? Домработница у меня уже есть, если что... Да вон она, видите?

Женя вспыхнула. Пожалуй, это был тот самый случай, когда грубость, проявленная по отношению к ней Борисом, просто зашкалила! Вот так с ходу взять и записать ее в домработницы! А она думала, что они еще и друзья! И зачем было первой встречной раскрывать все карты? Пусть бы эта девица приняла ее за жену, родственницу, сестру, да мало ли за кого, но только не за домработницу, уборщицу!

— Вы что, не понимаете? Я подарок, — теперь уже покраснела девица. Вот уж неожиданно! С чего бы проститутке краснеть?

— И кто же этот клиент, посмею спросить? — Ну вот, теперь от стыда сгорал, похоже, и сам Борис Бронников, счастливый обладатель юной девушки.

— Он не назвал своего имени.

— Тогда, деточка, позвольте мне отказаться от вас. Сейчас я вызову такси, и вы отправитесь домой, понятно?

— Нет. Это невозможно, — ее голос стал тверже, она вздернула нахальный маленький носик и покачала головой. — Мне обещали хорошо заплатить, но только при условии, если я пробуду у вас целый месяц. У меня чип. Под кожей. За мной будут следить. Если вы даже и прогоните меня, то я все равно никуда не уйду. Останусь на крыльце и замерзну. Насмерть. У меня с вашим клиентом свои отношения. Впрочем, как и у вас с ним. Поэтому советую вам согласиться и принять меня, понятно?

— Что-о-о?!

— Вас как зовут, милая? — вдруг разволновался молчавший до этого Петр и подошел к девушке. — Боря, не видишь разве, девушка совсем замерзла! Кем бы она ни была, ее нужно напоить чаем и согреть, а завтра уже поговорите. Ночь на дворе, куда ты ее отправишь. Что же касается твоего клиента, то я всегда говорил тебе, что ты неразборчив... Уф... Ладно... Извини. Так как вас зовут?

— Вероника. Но можно просто Ника.

— А вот этот бант — это как бы бант на подарке, да? — не могла не уточнить Женя, до которой только что дошел смысл этого символа.

— Буду вам благодарна, если вы снимите его с меня... Волосы тянет, — поморщилась Вероника. — Размотайте уже меня!

И Женя, еще пару минут назад испытывавшая к ней неприязненное чувство, бросилась помогать ей избавляться от длинной красной атласной ленты, которой девушка была обмотана с головы до ног.

— И правда, Борис Михайлович, давайте вы уже завтра разберетесь с Вероникой. А сейчас ее надо напоить чаем с малиной. А еще я бы посоветовала ей попарить ноги с горчицей. Взгляните, она же почти босиком, в туфельках! Не думаю, что ваш клиент обрадуется, когда узнает, что у девушки воспалится... Думаю, вы поняли, что именно...

— Да что с вами? — взорвался Борис. — Вы что, все спятили? Женя! Петя? Вы предлагаете мне впустить в дом совершенно незнакомого мне человека, может, воровку или мошенницу, да еще и попарить ей ноги?! Вы серьезно? Да я сейчас вызову полицию, барышня, понятно? И вас отведут под белые ручки в полицейскую машину и увезут отсюда. Может, лучше все-таки не доводить до криминала, и я вызову вам такси?

— Если вы позвоните в полицию, то валяйте. Я скажу им, что давно уже живу у вас, что я ваша любовница, я напишу о вас в своем блоге в интернете, ославлю вас на весь мир... И вообще, я несовершеннолетняя!

И вот после этих слов Борис словно впал в ступор. Он довольно долго стоял и молча разглядывал девушку, после чего, вздохнув, произнес:

— Ладно. Останетесь здесь до утра. Женя, устройте ее на ночь в комнате для гостей, в левом крыле дома. А утром, барышня, я заплачу вам, и вы уберетесь отсюда. А вы, Женя, прежде чем открывать дверь всем подряд, да еще ночью, должны были позвать нас, хозяев этого дома, понятно? И тогда этой ситуации не случилось бы!

— Я думала, вы спите, — теперь уже разозлилась Женя. Однако продолжать оправдываться не стала. Повернувшись к девушке, скомандовала: — Ступайте за мной, сейчас я приготовлю для вас все необходимое.

3

15 декабря 2021 г.

Валерий Ребров доедал уже пятое яблоко, считая, что таким вот приятным образом заправляется витаминами после перенесенного вируса, и собирался было уже ложиться спать, поскольку вечер плавно переходил в ночь, как раздался звонок.

— Борис Михайлович? — искренне удивился он. После августовской трагедии, связанной с убийством невесты Валерия Вероники и ее сестры Кати, в расследовании которой Борис Бронников, адвокат и близкий друг Реброва-старшего, принимал активное участие, они стали встречаться почти каждую не-

делю. И встречи эти носили чисто дружеский характер — братья Бронниковы зазывали Реброва к себе в загородный дом на бридж. Вкусная еда, уютная атмосфера дома, заботливая Женечка — все это приятно скрашивало унылые и одинокие вечера следователя Реброва, тяжело пережившего смерть Вероники. Обычно Борис звонил ему поздним утром или ближе к обеду и справлялся, когда Валерий мог бы приехать. Но поскольку работа следователя в этом плане непредсказуема, трудно даже предположить, когда может выдаться свободный вечер, друзья созванивались чуть ли не каждый день, пока не определялись точная дата и время встречи. Чаще, конечно, звонил сам Ребров. Но этот ночной звонок сразу же насторожил Валерия. Так поздно? Не иначе что-то случилось.

— Валера, мне нужна твоя помощь.

— Слушаю, Борис Михайлович.

— Сегодня утром в районе Якиманки на Шаболовке, адрес я тебе скину, произошло убийство некоего Николая Врадия. Его застрелили выстрелом в дверной глазок.

Валерию уже было не до сна. О чем он сразу подумал: это не его район.

— Так. Понял. И?

— Следователя, который будет вести это дело, зовут Никита Семенович Дмитриев. Ты с ним знаком?

— Нет.

— Познакомься. Это очень важно. Николай Врадий был моим клиентом. Подробности я сообщу тебе при встрече завтра, я подъеду?

— Конечно! Лучше между одиннадцатью и двенадцатью.

— Договорились. А ты за это время постарайся узнать что-нибудь про этого Дмитриева. Можно ли с ним договориться. Или же найди общих знакомых.

— Я понял.

— Вот и хорошо. Тогда до завтра.

— До завтра, Борис Михайлович.

Ребров достал бутылку пива, расположился на диване перед телевизором. На столик положил толстую записную книжку. Конечно, можно было поискать самому кого-то из знакомых, работающих в районном отделе следственного комитета, но чтобы уж действовать наверняка и как-то выйти на этого Дмитриева, надежнее было бы связаться со следователем Главного следственного управления Михаилом Островским, настоящим профи, с которым Ребров расследовал в прошлом году одно сложное дело. А уж он подскажет, к кому лучше обратиться.

Задача была не из легких. Но вполне решаема. И тут же возникло множество вопросов. Почему Бронников заинтересовался этим убийством? Если убитый был его клиентом, то сейчас-то он чем может ему помочь? Значит, как-то может. Если не ему, то тому, кого уже, возможно, задержали по подозрению в убийстве. Приблизительно так. Все выяснится завтра. И хотя у Валерия в производстве было много и своих дел, он зачастую возвращался домой ночью, перспектива снова побывать в доме

Бронниковых не только в качестве гостя и третьего игрока в бридж, но и как друга, способного оказать реальную помощь, приободрила его. К тому же, и надо было себе в этом признаться, общение с братьями Бронниковыми отвлекало его от черных мыслей, развеивало тоску по Веронике, а присутствие в их доме жизнерадостной и такой милой Женечки доставляло радость. Его чувство к ней трудно было назвать любовью или даже влюбленностью, но, глядя на нее, он испытывал умиротворение. Ощущалось возможное счастье с женщиной, все то, что трудно было получить, общаясь с Вероникой.

Ребров заснул прямо на диване, представляя себе Женечку такой, какой он увидел ее впервые — залитой августовским теплым солнцем, рыжеволосую, ярко одетую, с пестрой косынкой поверх кудрей и с неизменной белозубой улыбкой.

4

15 декабря 2021 г.

С таким способом убийства следователь Никита Семенович Дмитриев сталкивался первый раз. Нет, он слышал, конечно, о подобных убийствах, некоторые из которых были громкими. Резонансными. Так, к примеру, читал он сводку происшествий трехлетней давности по архангельскому делу: «...накануне около 19:00 в коридоре жилого дома на проспекте Обводный Канал в Архангельске нашли тело двадцатилетнего мужчины с огнестрель-

ным ранением. Убил его сорокалетний инструктор по стендовой стрельбе, который сожительствовал с сестрой убитого. Когда возник конфликт, брат с сестрой пытались бегством спастись от вооруженного преступника, но он застрелил молодого мужчину через дверной глазок». Или же другой случай, происшедший в Чите, где девятилетнюю девочку убили выстрелом в дверь во время ссоры соседей. Вот где произошла настоящая трагедия!

Здесь же, в квартире на Шаболовке, где был убит бизнесмен Николай Вradий, убийство произошло не случайно и уж точно не в результате несчастного случая. Стрелявший, что наиболее вероятно, разговаривал с жертвой, стоя по другую сторону двери в подъезде, и точно знал, где находится голова Вradия. Можно было, конечно, предположить, что убийца и жертва были знакомы, но тогда непонятно, почему же они разговаривали через дверь, почему Вradий не открыл ему. Но выстрел был произведен специально с таким расчетом, чтобы голова говорившего за дверью находилась на уровне глазка.

Или еще вариант. Убийца позвонил в дверь, Вradий подошел, заглянул в глазок, и тотчас раздался выстрел. Безо всяких разговоров. Разве что Вradий спросил: кто там? Тогда, значит, они могли и не быть знакомы.

Квартира принадлежала Ольге Корнетовой, бывшей жене Николая Вradия. Не так давно Ольга носила фамилию мужа, но после развода, а это все-

го лишь два месяца тому назад, поторопилась вернуть себе девичью.

На момент убийства Ольги в квартире не было, не объявилась она и позже. Возможно, была на работе или же подалась, как говорится, в бега. Телефон ее отозвался мужским голосом, мужчина сказал, что нашел телефон у себя дома, что, вероятнее всего, его оставил кто-то из работников клининговой компании, которые прибирались у него после вечеринки, что он готов в любой момент его вернуть. Помощник Дмитриева поехал за телефоном. Два оперативника опрашивали соседей. Одна соседка, которую они застали буквально за минуту до того, как она собиралась покинуть находящуюся этажом выше квартиру сестры, согласилась дать показания.

Глядя на эту невзрачную молодую женщину, Никита, отвлекаясь от дела, представил ее себе нарядно одетую, накрашенную и причесанную и понял, что несчастная Людмила Ивановна, которую какой-нибудь мужчина мог бы называть ласково Люсей, совершенно не ценит себя и не знает, насколько она красива от природы. Да и лет ей было всего-то тридцать с небольшим.

От нее пахло хлоркой.

— Итак, вы говорите, что находились в квартире вашей сестры, Светланы Стрельцовой...

— Это она по мужу Стрельцова, а так мы с ней Караваевы.

— Понятно. И поливали там цветы.

— О, я там не только поливала цветы, — аккуратно уложив руки на колени, смиренно отвечала на вопросы Людмила, — но и протирала листья, чтобы они блестели, понимаете? Еще прибралась в ванной комнате, помыла стены и дверь. Поэтому от меня, вы уж извините, пахнет препаратом. Подумала, что вернусь домой и смажу руки кремом. У Светы тоже есть крема, но очень дорогие. У нее же муж бизнесмен, она может себе позволить... Но я никогда ими не пользуюсь, у меня свои есть, тоже, между прочим, неплохие.

— Вы сказали нашему оперативнику, что видели убийцу.

— Да. Видела. Это была девушка. Высокая, худая. На ней были красный свитер и желтая меховая жилетка. Очень ярко она была одета для убийцы. Ни тебе капюшона, который скрывал бы, к примеру, лицо, ни бейсболки, прикрывающей глаза... Волосы рыжие, яркие. Она выбежала из квартиры Оли как ветер. И бросилась...

— Вы точно видели, как она выбежала именно из квартиры или просто отпрянула от двери в квартиру?

— Ну конечно! Едва я услышала выстрел, как вышла из квартиры и посмотрела вниз. Конечно, мне было страшно, но я сделала это очень тихо, я же была в домашних тапочках. Так вот, она выбежала из квартиры и бросилась к лестнице. Лифтом не пользовалась, и это понятно, боялась, что столкнется там с кем-нибудь. Она с грохотом спуска-

лась по лестнице, бежала так, что пятки сверкали. И это точно она убила. Потому что больше никому! Я рассказываю вам всю правду.

— И что было потом?

— Когда я поняла, что она убежала и что в квартире, если это было убийство, никого нет. Кроме жертвы...

— А с чего вы решили, что это было убийство?

Людмила сразу умолкла и теперь смотрела на Никиту с недоумением и даже презрением, сощурив бесцветные глаза.

— Если вы не верите мне или просто насмехаетесь, то я, пожалуй, пойду. У меня, знаете ли, не так много свободного времени, чтобы тратить его на следователя, который от бессилия только и может, что ухмыляться и не верить мне, единственному в этом деле свидетелю. И как вы вообще работаете, если относитесь к моим словам с недоверием и просто смеетесь надо мной? Вы спрашиваете меня, с чего я решила, что это было убийство? Но если был выстрел, то даже если предположить, что никого не убили, то должна же я была убедиться в том, что с Олей все в порядке? И ведь это не Оля убежала из своей квартиры, а совершенно другая девушка. Она могла быть если и не убийцей, то воровкой, например. Да даже если предположить, что я услышала не выстрел, а просто грохот, к примеру, свалилась тяжелая ваза, ударилась о плиточный пол на кухне... Хотя нет. Звук все же был похож на выстрел. Так что вы от меня хотите?

— Расскажите, что вы увидели, когда открыли дверь.

— Во-первых, я не касалась ручки двери, я сунула ее под джемпер, вот так... — она показала, растягивая джемпер пальцами.

Дмитриев слушал ее и понимал, что эта девушка явно не трусиха, раз осмелилась после звука выстрела заглянуть в квартиру. А если бы убийца оставался еще в квартире, и девушка, которая убежала, была просто знакомой, к примеру, Ольги, то есть еще одной свидетельницей, которой удалось выбежать незаметно, спасаясь от настоящего убийцы после того, как он застрелил Ольгу.

Но убит был ее бывший муж.

— Вы знаете убитого? — спросил он.

— Нет. Я же не живу здесь. Знаю только Олю в лицо, видела ее много раз. Знаю, что муж ее бросил. А он ли это или нет, не знаю.

Но Никита уже знал, что это Николай Врადий. На одной из полок в гостиной он нашел альбом с семейными фотографиями и сразу понял, что застрелен бывший муж Ольги Корнетовой.

— Что вам известно о причине развода?

— Ничего... Знаю только, что он ее бросил. Мы с сестрой были просто в шоке. Вроде было все хорошо. Оля — молодая, красивая, умница. Такая милая... Жили тихо, не ссорились. В достатке. Я хоть в душе и злилась на этого Николая, так зовут

ее мужа, что он бросил ее, но где-то даже уважала его за то, что он оставил ей эту шикарную квартиру. Моя сестра сказала, что сама видела документы, что он на самом деле переписал ее на Олю. Еще машину оставил. Кажется, даже деньги ей переводил регулярно, ну, как бы пытался скомпенсировать свою подлость. Вот так.

— Когда вы видели Ольгу последний раз?

— Давно... Я же не живу здесь, я говорила. Приезжаю часто, но не каждый день. Может, пару недель тому назад ее видела. Просто у меня сейчас отпуск.

— Она работала?

— Тоже не знаю. Это вы у моей сестры спросите. Хотите, я наберу ее сейчас? Поговорите по ватсапу?

Что ж, это было дельное предложение. И вот через несколько минут Никита держал в руках телефон Людмилы и беседовал с ее родной сестрой Светланой. Сестры был удивительным образом похожи, разве что младшая была чуть светлее и нежнее. Спонтанный репортаж велся из египетского отеля, фоном служили детские веселые голоса, визг, шум. То и дело Светлане, кутавшейся в цветной легкий халатик, приходилось уворачиваться от летящего в нее красного надувного мяча или мягких игрушек.

Да, она была в курсе убийства в квартире соседки. Ей рассказала об этом Людмила. И после того

как Никита переслал ей на телефон пару снимков убитого, она с горечью подтвердила, что это Николай Вradiй. В сущности, она подтвердила все то, что до нее рассказала старшая сестра. О причине развода она не знала, как и сама Ольга, просто муж бросил ее, и все, ушел к другой женщине. То есть ни ссоры, ни конфликта в семье не было. С Ольгой общалась по-соседски, женщины время от времени встречались за чашкой чая или кофе, разговаривали. Ольга очень тяжело переживала развод с мужем и постоянно твердила, что его заколдовали, что он ушел к другой, к тому же неожиданно, повторяла она, без видимой причины. Сказал, что будет поддерживать Ольгу, что она никогда и ни в чем не будет нуждаться. На вопрос, приходил ли Николай к Ольге, Светлана ответила утвердительно, да, приходил. Но в основном чтобы невольно потрепать нервы бывшей жене. Чаще всего за вещами. То одно забудет, то другое.

— Квартира-то большая, к вещам человек привывает, вот на новом месте и кажется, что чего-то не хватает. Но в основном он приезжал за какими-то забытыми документами, книгами. Или за ключами от погреба, который он с разрешения Оли подарил своим новым тестю и теще.

— Так он все-таки женился?

— Да, а я разве не сказала? Леша, прошу тебя, остановись, ты же весь мокрый! Ой, извините, дети на головах ходят! Да, он женился. Но не сразу. Оля как узнала об этом, совсем упала духом...

— У нее есть образование, она где-нибудь работала?

— Она в Щуке училась, но не окончила, бросила. Из-за Коли, между прочим. Он, собственник, запретил ей сниматься, хотя она пробовалась на небольшую роль в каком-то фильме, и ее, кажется, даже утвердили. Я точно не знаю. Если разобраться, то он ей, по сути, жизнь поломал.

— Как вы думаете, она не могла...

— Ой, да что вы?! Это не Оля его убила. Нет-нет, она очень любила Колю. Она никогда не посмела бы. А это правда, что его убили выстрелом через дверной глазок?

— Скажите, Светлана, где сейчас может находиться Ольга?

— Откуда же мне знать?

— Она где-нибудь работала?

— Вы можете мне, конечно, не поверить, но после развода она сразу устроилась на работу... уборщицей! В клининговую компанию! Сказала, что тяжелая работа поможет ей справиться с депрессией. Сначала ей было очень тяжело, она приходила домой без сил, с больной спиной, но потом стала привыкать. Я, Света, говорит, когда что-то чищу или отмываю, словно мозги привожу в порядок. Вот такие дела.

— А в какой именно клининговой компании? Название не знаете?

— Нет, к сожалению. Но на работу она ездила на машине. Оставит ее где-нибудь подальше от

того места, где работает, чтобы коллег не дразнить, машина-то дорогая, шикарная, и идет драить унита-тазы... Вот что с ней сделал этот проклятый развод! Ох, даже не представляю, как она переживет это известие о Коле... Понимаю, мои слова для вас ничего не значат, но поверьте мне, это не она его убила. Она добрый и хороший человек. А Коля... Он же был бизнесменом, думаю, вот там и нужно искать. Может, конкуренты, не знаю.

— У нее были подруги? Друзья?

— Возможно, и были, но я с ними не знакома. Предполагаю, что некоторых подруг она оставила в прошлом, поскольку их мужья были друзьями Николая, и я лично это понимаю. Ну а новые подруги, скорее, даже коллеги по клининговой компании, вообще мало что могут о ней знать. Но может, я и ошибаюсь.

Никита поблагодарил Светлану, вернул телефон Людмиле.

— И вам спасибо, вы нам очень помогли, — сказал он, с трудом скрывая разочарование.

— Знаете... Пожалуй, я еще вернусь сегодня сюда, вот только в магазин схожу. Если еще какие-нибудь вопросы появятся, вы знаете, где меня найти.

Эта серая мышка была так возбуждена тем, что оказалась главным свидетелем, поэтому вызвала у Дмитриева неприятное чувство, будто бы он имеет дело с не совсем здоровым человеком. А если она на самом деле с головой не дружит?

Людмила вдруг резко обернулась и посмотрела на него долгим и каким-то грустным взглядом, словно ей удалось прочесть его мысли.

— Вы думаете, что это для меня развлекалово какое-то, да? Или полагаете, что у меня полно свободного времени, то есть мне некуда его тратить? Или вообще считаете меня дурой?

Никита от удивления выронил пачку сигарет.

— Между прочим, я физик-ядерщик, стажировалась в Мюнхене, в институте физики плазмы Макса Планка. Уверена, вы и понятия не имеете об этом институте, да и в людях не очень-то разбираетесь. Может, мои мозги и устроены несколько иначе, чем у остальных женщин, и меня легко можно записать в старые девы, да, я живу жизнью моей сестры и ее детей, но все это потому, что так сложилось... Словом, не смейте смотреть на меня как на душевнобольную.

— Да с чего вы взяли?

— Мысли ваши прочла, — горько усмехнулась она.

— Людмила! Я ничего такого про вас и не думал! — солгал он, испытывая стыд, как если бы и на самом деле поверил, что эта девушка видит его насквозь. — И я благодарен вам за информацию о вашей соседке.

— Ну ладно тогда. — Она вдруг улыбнулась, так хорошо, так как-то счастливо, что в комнате, как показалось Никите, сразу стало светлее. — Тогда мир?

— Мир, — растерянно ответил он, пожимая тотчас протянутую ему Людмилой руку.

— Мы еще увидимся?

— Несомненно.

Она ушла. Никита встал у окна, открыл его и закурил. Он старался не думать об этой девушке, но в ушах все еще продолжал звучать ее голос. Надо же, физик-ядерщик! А если она все это выдумала? Как проверить? Да и зачем?

В квартире работала группа экспертов. Группе еще не увезли, его осмотр еще не закончился. Убитый был молод и красив, шикарно одет. Одни только ботинки его стоили почти полмиллиона.

— Это итальянские ботинки, — сказал эксперт Андрей Трапезников, ухмыляясь. — «Сантони». Из кожи рептилий. Больше четырехсот тысяч стоят.

— А ты откуда знаешь?

— Мой бывший тесть такие носит. Сам показывал, хвастался.

— Да, тесть у тебя крутой.

— Бывший тесть.

— Да это понятно. Знаешь, старик, я бы тоже не смог жить за счет жены в том доме, куда тебя поселили... Ты правильно сделал, что развелся.

Андрей никак не прокомментировал его слова. Все в прошлом. И брак, и постоянные наезды капризной жены, что он мало зарабатывает и его никогда нет дома. Старая песня в семьях работников правоохранительных органов. Хорошо, что детей нет, иначе развод был бы куда более болезненным.

— Что скажешь?

Эксперт рассказал, что смерть наступила вследствие пулевого ранения в голову. Выстрел, судя по всему, был произведен человеком, который находился в подъезде и приставил дуло пистолета прямо к дверному глазку. Стреляли один раз, и пуля, по дьявольскому стечению обстоятельств, застряла в голове жертвы, что и послужило причиной столь нелепой смерти.

— Все подробности после вскрытия, — произнес Трапезников свою дежурную фразу.

Гильзу нашел сам Никита у порога, в подъезде, в стеклянном крошewe под ногами. Больше ни одной гильзы или следа от выстрела ни на лестничной площадке, ни в квартире обнаружено не было.

Итак. По предварительным данным, в квартире проживала только хозяйка, ни одной вещи, ничего не указывало на то, что там бывал или проживал мужчина. Похоже, Вradий все же успел вынести из квартиры все, что принадлежало ему. Ни бритвы, ни мужского одеколona, ничего! Не оправившаяся от предательства Ольга была одна и ни с кем не встречалась. Или не приглашала к себе на ночь, иначе хотя бы запасная зубная щетка была бы в ванной комнате.

Квартира содержалась в чистоте, ни следов борьбы, ни признаков того, что в ней что-то искали, не было. Все аккуратно сложено, прибрано. Следов взлома на замке входной двери тоже нет.

Нашли старшую по подъезду, строгую женщину-пенсионерку с манерами генерала, громкоголосую и прямолинейную. Никита спросил ее, где можно посмотреть записи камер видеонаблюдения, установленных в подъезде и снаружи.

— Без проблем! — отчеканила она и вдруг на глазах удивленного следователя машинально достала из кармана черного бархатного домашнего халата губную помаду и быстро подкрасила губы. — Я сейчас же предоставлю вам флешку!

И удалилась.

Оперативник привел еще одного свидетеля, немолодого мужчину в очках, проживающего на пятом этаже в одной из двух расположенных там квартир. В этом подъезде только на шестом этаже находилась всего одна большая квартира (соединенная из двух), на остальных этажах — по две. сосед подтвердил слова Людмилы Караваевой, что слышал выстрел сверху примерно в 9:30 или 9:35. О жильцах, проживающих в квартире номер одиннадцать на шестом этаже, ничего не мог сказать. Из квартиры своей после выстрела не выходил, дверь не открывал, а потому ничего не видел.

Когда были опрошены все находящиеся дома жильцы, когда Никита просмотрел записи камер, то выяснил, что Николай Врადий вошел в подъезд в 8:45, позже в объектив видеокамер, как наружных, так и внутренних (на первом этаже напротив лифта), попала высокая стройная девушка в красном свитере, черных джинсах и желтом меховом жиле-

те. Точно такая, какой ее и описала Людмила Караваева. Девушка вошла в подъезд в 8:55, то есть через пять минут после Врадия, и выбежала оттуда, миная лифт (о чем свидетельствует запись внутренней камеры), в 9:43. То есть как раз в то время, когда, по всей вероятности, и должен был засветиться на камере убийца. Это была как раз та самая девушка, если верить свидетельнице, которая, по ее мнению, застрелив Николая Врадия, сбежала с места преступления со скоростью ветра.

Следом за девушкой в красном свитере в подъезд впорхнула юная девушка в белой шубке и черном берете (учитывая, что она до сих пор так и не вышла, можно было предположить, что это жительница этого подъезда).

Между девятью и одиннадцатью часами утра к дому подъезжали две машины «Скорой помощи». Одна приехала ровно в девять часов, два доктора с оранжевым чемоданчиком зашли в подъезд и вышли в 9:45. Никита попросил оперативника проверить, в какую квартиру они поднялись.

Другая машина прибыла в 10:52 с целой бригадой врачей, среди которых были фельдшеры и санитар, через пять минут они вынесли из подъезда носилки с женщиной-роженицей. Кто эта женщина, из какой квартиры, тоже предстояло проверить.

Кстати говоря, эта глубоко беременная женщина вошла в подъезд в 9:15 с сумкой в руках. Возможно, возвращалась из магазина с покупками. Но

очень скоро, вероятно, ей стало плохо, и она вызвала «Скорую помощь».

Работавший в квартире эксперт сообщил, что отпечатков пальцев в квартире много, что нужно выяснить, кому именно они принадлежат, но если даже предположить, что преступник, торопясь, и постарался скрыть свои следы, то уничтожить кровавые следы кроссовок в прихожей и на полу подъезда не успел. И что, вероятнее всего, это женские кроссовки.

В мусорном ведре обнаружили стакан. Практически чистый и пустой. По этому поводу эксперт со смехом высказал предположение, что преступник выбросил его второпях, решив, что таким образом он не наследит, не оставит ДНК. То есть все сводилось к тому, что убийство совершила девушка в красном свитере. Что убийство было незапланированным, на эмоциях, и находясь в шоке от содеянного, она действовала как во сне, быстро и нелепо, оставляя повсюду следы.

— Найдите мне ее! — сказал он оперативникам. — Хоть из-под земли достаньте. Предполагаю, что эта девица из ближнего круга Ольги Корнетовой. Возможно, она была хорошо знакома и с Врядием, может, была его любовницей. Но точно не чужая этой семье, была вхожа в дом. Если же она из клининговой компании, где работает Ольга, то вы ее быстро найдете. Сергей мне уже отзвонился, он встретился с мужчиной, который нашел у себя дома после уборки телефон Ольги и показал визитку

компании, записывайте название: «Клин-Чисто-s». Да, кстати: последний звонок был именно бывшей жене, что и нашло отражение в ее телефоне. Все совпало.

Работа была закончена, тело увезли, квартиру опечатали, и Никита поехал домой.

После развода и полугодового проживания во «дворце», который подарил своей единственной дочери тесть, Никита вернулся в маленькую однокомнатную квартирку возле Савеловского вокзала, где смог почувствовать себя свободным и спокойным.

Он принял душ, сварил пельмени, поужинал перед телевизором и лег спать.

Утром ему позвонил Островский. Его хороший знакомый, с которым его связывало одно непростое дело, где Никите пришлось применить оружие и ранить свидетеля. Островский прикрыл его, как-то смог. Последний раз они виделись, когда вместе с друзьями ездили на зимнюю рыбалку.

— Никита, это же ты ведешь дело Врадия?

Никита выслушал его и, не раздумывая, даже не успев вникнуть в дело, сразу согласился помочь. Дело и так обещало быть сложным, а теперь по просьбе Островского ему еще предстояло держаться в курсе расследования коллегу из другого отдела, Валерия Реброва, с которым он не был знаком. Что ж, пусть. Возможно, этот Ребров знает семью Врадия и будет заинтересован в том, чтобы как можно скорее вычислить убийцу. А если так,

то сможет реально помочь следствию. Это неплохо. Хотя в таких условиях ему еще не приходилось работать. Если за Реброва попросил Островский, значит, это и для него важно.

— Я понял. Все сделаю, Михаил Алексеевич. Пусть он позвонит мне.

— Спасибо, Никита, — тепло поблагодарил его Островский. — И держи меня в курсе, хорошо?

5

15—16 декабря 2021 г.

Утром, проснувшись и вспомнив о том, что в доме находилась девушка-подарок, Женя поняла, что в ее жизни появилась новая головная боль.

И как бы ей этого вчера ни не хотелось, она устроила Веронику в комнате для гостей, принесла туда таз с горячей водой, куда сыпанула горчицу, и заставила эту особу парить ноги.

— На вот халат. — Она протянула толстый зеленый халат, оставшийся в доме от предыдущей хозяйки, троюродной сестры Жени, Марты. После Марты в доме было много вещей, которые она не пожелала брать с собой в новый дом на Рублевку, куда переехала с семейством, но которые просто невозможно было выбросить, поскольку все они были дорогие и отменного качества. Несмотря на то что не новые, выглядели отлично. Все было сложено в большую коробку и заперто в чулане. И вот теперь многое из того, что ожидало отправки в ка-

кой-нибудь благотворительный центр, могло пригодиться. Халат, фланелевая пижама, шерстяные носки, свитер, домашние штаны, тапочки, майка с синей бабочкой.

Она сидела, закутавшись в одеяло, на кровати, опустив тоненькие ножки в таз с горячей водой, и была похожа на нахохлившуюся птичку.

— Ой, горячо! — воскликнула она, когда Женя плеснула в таз воды из чайника.

— Я же сказала тебе, чтобы ты подняла ноги... Смотри, горячо. Скажи, подарок, ты что, действительно думала, что тебе кто-то заплатит за то, что ты будешь жить здесь, в чужом доме, целый месяц? Или что тебя вообще здесь оставят? Ты знаешь, кто такой Борис Михайлович, в дом к которому ты вот так нагло вперлась?

— Это не твое дело, — отбрила ее Вероника. — И не лезь. Работаешь здесь, вот и работай. Можешь не возиться со мной, я позову Бориса Михайловича, и он вместо тебя будет мне поливать на ноги. И носки свои даст, и свитер. Ты просто не знаешь мужчин. Это он поначалу так себя ведет, делает вид, что ничего не знает и не понимает. Все он знает. И кто меня прислал и, главное, для чего. Мужчинам, любим, всегда нужно одно и то же. И твой Бронников не исключение. Просто ему, может, перед тобой неудобно. Ну, может, и брат его, Петр, тоже не в курсе. Вот увидишь, завтра он тоже будет куражиться, попытается выпихнуть меня отсюда, но не сделает этого. Просто увидишь спектакль.

— Хочешь сказать, что он оставит тебя здесь?

— Уверена. И это только сегодня я буду ночевать в этой комнате, а завтра уже, вот посмотришь сама, я буду спать вместе с ним.

— Но он не такой! — воскликнула чуть ли не плача Женя и тотчас устыдилась своей неприкрытой реакции. Как же ей неприятно было все это слышать!

— Ты для домработницы слишком болтлива, вот что я тебе скажу.

— Что-о-о? — От такой наглости Женя растерялась. А ведь она уже успела даже пожалеть эту юную проститутку, собиралась принести ей поесть! — Советую тебе не портить со мной отношения, если собираешься оставаться здесь, как ты надеешься.

Женя поднялась и теперь стояла с чайником, в котором оставался кипяток, и готова была выплеснуть остатки прямо на голову этой наглой девке.

— Ладно. Прости. Но мне неприятно тоже все это от тебя выслушивать. У тебя своя работа, а у меня — своя. Меня привезли сюда для вполне определенной услуги, мне обещали за это хорошо заплатить, и у меня действительно под кожей есть чип, за мной следят.

— Но как такое вообще возможно? И что же, твой хозяин... или кем он там тебе приходится, уверен в том, что тебя впустят в дом, что Борис примет тебя в качестве подарка?

— Этого я не знаю... Но то, что я останусь здесь, это точно. Думаю, Борису Михайловичу будет зво-

нок от моего хозяина. Чтобы мне здесь не трепали нервы. А уж воспользуется он мной или нет, это уже его дело. Если он меня не захочет, просто проживу здесь месяц, и он ко мне не притронется, мне же лучше. Хоть отосплюсь. Отдохну.

— И часто тебя вот так дарят кому-то?

— Ну да. Ты не смотри, что я сейчас похожа на мокрого воробья, просто я замерзла и устала. Вот приведу себя в порядок... ой! Я же сумку на террасе оставила! А там косметика, белье...

— У тебя, случаем, не температура? — спросила Женя, глядя на выступившие бисеринки пота на маленьком носике Вероники.

— Это я распарилась, никакой температуры у меня нет. Слушай, принеси мою сумку, пожалуйста.

Женя вышла из комнаты и зашагала по коридору к выходу. Проходя мимо кухни, услышала голоса. Притормозила, чтобы подслушать. Что подделывать, раз в доме творятся такие дела?!

— ...Я вот все думаю, — говорил Петр, — может, мне на самом деле съездить в Стамбул с тем переводчиком, с которым я списался, и попытаться проникнуть в архив, покопаться в нем, чтобы найти материал про султана?

— Поезжай. Но только не сейчас. Такие снегопады, погода нелетная, — лениво отвечал ему Борис. — Сиди уже дома. Я на твоём месте написал бы какую-нибудь веселую пьесу, комедию. Потом почитал бы нам, мы повеселились, взбодрились.

Это же надо! Они ни словом не обмолвились о Веронике? Она была уверена, что услышит хотя бы что-нибудь о том, как им всем теперь здесь жить, с ней или без нее. Один в Стамбул собрался за материалом к роману, который он никогда не напишет, а другой предлагает ему продолжать лениться или писать пьесу! Какие же они все легкомысленные! А если она воровка? Или какая-нибудь шпионка?

Собравшись с духом, Женя тихонько постучала в косяк двери, как бы давая понять, что она здесь. Дверь-то была открыта, и она могла войти и без стука, но хотелось проявить такт. Если они это, конечно, заметят и оценят.

— А, Женечка? — расплылся в пьяненькой улыбке Петр.

Ну, конечно, между ними на столе стояла черная бутылка коньяка «Remy Martin». Еще были блюдце с нарезанным лимоном и корзинка с апельсинами, целый ворох кожуры от которых свидетельствовал о том, что братья активно закусывали.

— Борис Михайлович, — Женя приблизилась к невозмутимо играющему пустой рюмкой Борису и зашипела ему в ухо: — Вы что, серьезно решили ее здесь оставить?

— С чего это вы взяли, барышня? — Он отстранился от нее и уставился в окно. — Я же не идиот.

— Вы хотя бы знаете, кто вам ее прислал?

— Понятия не имею. Но кто-то, кому я, видимо, хорошо помог в этой жизни. Другой вопрос, почему он решил, что меня следует благодарить имен-

но таким экзотическим образом? Мог бы просто деньги привезти или машину подарить.

— Она говорит, что вы в курсе. И что она, пардон, уже завтра будет ночевать в вашей постели! — Женья почувствовала, как краснеет. — Если такой вариант рассматривается, так распорядитесь, чтобы я сменила вам постель, взбила как следует подушки! Или отправьте меня в Москву за новым бельем, с кружавчиками или вышивкой, например, тем более что уже давно пора заполнить бельевого шкафа!

— А что, неплохая мысль, — со вздохом произнес Борис, придвигая к себе бутылку и наливая коньяк в рюмку. — Петя, ты допил? Ой, как ужасно и варварски ты чистишь апельсин! Я же говорил, нужен маленький ножичек...

— Так что мне делать? — не унималась Женья.

— Как что? Покупать новое постельное белье! Завтра утром получите карточку и отправитесь по магазинам. Цена значения не имеет. Покупайте все, что нужно, и побольше. И постельное белье, и покрывала там, я не знаю, пледы, полотенца... Вы же женщина, сами знаете, что нужно. И я полностью полагаюсь на ваш вкус. И себе тоже в комнату прикупите что-нибудь. И конфет купите хороших, фруктов. Все-таки она девушка, наверняка любит сладости...

Женья вспыхнула и, как ей подумалось, позеленела от злости! Значит, эта девчонка права, теперь она будет ночевать в спальне Бориса? Постель им подавай новую, одеяла, конфеты!

Она уж и не помнила, зачем вообще приходила, и когда уже очутилась перед дверью в комнату Вероники, вспомнила, что ее попросили принести сумку. Снова вернулась, но только теперь просто-таки пронеслась мимо кухни, желая только одного — чтобы ее не окликнули. Сумка на террасе уже успела побелеть от снега. Снова снегопад! И как же это она завтра поедет в Москву? Но она должна поехать, чтобы этот бабник не подумал, что она отказалась выполнять его просьбу. Ничего, утром она снова позвонит Лехе, парню, который приедет на зверском «Бобкэте», чтобы почистить от снега все дорожки и проулок, ведущий на основное шоссе, и все будет в порядке. Леша — прикормленный и в прямом, и в переносном смысле. Женя платит ему наличными из хозяйственных денег, кормит его, уставшего, вкусной едой и с собой дает контейнеры с ресторанными деликатесами.

Она вернулась к Веронике и застала ее в слезах. Ну точно — мокрый воробей! Волосы у корней мокрые, по лицу катятся слезы, нос распух, размок...

— Ты чего раскисла-то? — вырвалось у нее, как если бы это была и не Вероника, которую ей не так давно хотелось ошпарить кипятком, а просто несчастная и заблудившаяся по жизни девчонка.

— Все нормально, — ответила она, размазывая по лицу слезы.

Она взяла сумку, открыла ее, достала большую розовую косметичку и вытряхнула все содержимое на постель.

— У тебя есть мицеллярная вода?

— Конечно, есть!

Пока Вероника приводила себя в порядок, Женя прибралась после горчичных ванн и даже, забывшись, помогла ей вытереть ноги полотенцем и натянуть толстые шерстяные носки. Странное было ощущение. Вроде бы это была проститутка, подаренная Борису для развлечения, но, с другой стороны, это же просто девчонка, униженная самой жизнью, а теперь еще и простывшая. Вот как ее не пожалеть?

Вероника легла, и Женя, посчитав, что сделала для нее все возможное, отправилась на кухню выпить чаю и пожелать хозяевам спокойной ночи. И ровно на том месте, где она подслушала разговор братьев о поездке в Стамбул, она замерла, услышав:

— ...Сегодня утром в районе Якиманки на Шаболовке, адрес я тебе скину, произошло убийство некоего... Его застрелили выстрелом в дверной глазок... Следователя, который будет вести это дело, зовут Никита Семенович Дмитриев. Ты с ним знаком?

Так. Отлично. Вот новость так новость — кажется, Борис возвращается к жизни! Новое дело? Просто замечательно! А раз так, значит, он будет занят... станет пропадать в Москве, работать, и тогда обстановка в доме переменится, все вокруг взбодрятся! Одно дело, когда он от безделья не знает, куда себя деть, и просто валяется в постели, и тут ему под бок